- Лорд Карстедт, к вам прибыл с визитом Лорд Фердинанд.

Как только он получил это уведомление от слуги, Карстедт тут же направился в малый кабинет. Там он нашел свою первую жену Эльвиру и своего старшего сына Экхарда, ведущих дружеский разговор с их гостем. Карстедт не смог сдержать довольной улыбки, видя, насколько почтительны они были по отношению к своему собеседнику. Очень мало кто из знати по-прежнему восхищались Фердинандом после того как он был отослан в Храм, и было приятно видеть что его семья среди этих немногих.

- Лорд Фердинанд, - произнес Карстедт, и тот развернулся в его сторону. После того как они обменялись приветствиями и присели, слуги стали накрывать на стол.

- Мне ненавистно прерывать ваше общение, но мне и лорду Фердинанду надо провести приватный разговор.

В ответ Карстедт получил только полные недовольства взгляды от Эльвиры и Экхарда, и эти двое так и остались на месте, словно и не слышали его. Когда же Ферденанд повел рукой и произнес:

- Это крайне конфиденциально, - эти двое тут же встали и покинули кабинет. Их почтительное отношение к Фердинанду, к которому они относились с явно намного большим уважением, чем к нему самому, очень расстроило бы Карстедта, если бы он давно не привык к подобному.

Как только на столе было расставлены еда и вино, слуги так же покинули кабинет, оставив в комнате только Карстедта и Фердинанда. Только после того как двери комнаты были плотно притворены ушедшими слугами, Карстедт позволил себе расслабится, перейдя на неформальный тон, каким он всегда общался со своим старым другом наедине.

- Фердинанд, извини за то что пришлось ехать ко мне, вместо замка, но после последних событий, в тамошней обстановке лучше не проводить таких встреч.

Карстедт поднял бокал из серебренного стекла и отпил из него, показывая что содержимое не отравлено, и затем жестом предложил Фердинанду присоединится. Тот не медля поднес бокал к своим губам и отпил глоток. Уголки его губ одобрительно изогнулись, показывая что вино пришлось ему по вкусу.

- Могу себе представить. Мать Шикзы поднимает шум где только может, жалуясь всем кто только согласен ее выслушать, верно? Верховный епископ тоже не молчит, впав в какую то самую настоящую истерику из за этого случая. – Фердинанд, как обычно был прав, не оставив Карстедту иного как с горькой ухмылкой на губах, согласно кивнуть головой.

Десять дней назад, проводя рутинное уничтожение очередного насосавшегося манны тромбэ, Карстедт – капитан рыцарей – назначил Шикзу и Дамуэля охранять ученицу жрицы в синем. Эти двое обладали намного меньшим запасом манны чем другие рыцари и никто из них до

этого не участвовал в уничтожении тромбэ. Именно эти причины побудили Карстедта посчитать что от этих двоих будет больше пользы при охране сопровождающих из храма.

И тем не менее, именно эти охранники ранили одну из тех кого должны были защищать и оказались ответственны за появление второго тромбэ, произошедшее трудно было назвать иначе чем полнейшим провалом. И именно из за этого, эти двое сейчас находились под домашним арестом в казармах рыцарей, пока им не будет вынесен окончательный приговор. Шикза, тем не менее, умудрился связаться со своей семьей в надежде уменьшить грозящее ему наказание, и его мать принялась просить о помощи всех кто был облачен властью и согласен выслушать ее мольбы.

- Как говорят, она даже осмелилась плакать в присутствии леди Вероники, так что, позволь я сам верну инструмент вместо тебя, - произнес Карстедт, указав на шкатулку с магическим инструментом которую принес с собой Фердинанд.

- И вправду, так и следует сделать, благодарю тебя за совет и помощь. Если встречи с ней можно избежать, поступив таким образом, то так тому и быть.

Шкатулка, открыть которую мог только Эрцгерцог или тот кому он дал на это личное разрешение, содержала в себе магический инструмент позволявший заглянуть в память другого человека. Он был передан на время Фердинанду что бы он смог принять решение, чем окажется для Эхренфеста некая простолюдинка ставшая носительницей синей рясы, что при проведении ритуала Исцеления показала что обладает неимоверным запасом манны – потенциальной угрозой, или же шансом на лучшее.

У этой ученицы храмовой жрицы были волосы цвета ночного неба, как будто она получила благословение бога Тьмы еще при рождении, а ее милое личико украшали двое больших глаз цвета золота. Но что привлекло больше всего внимания так это величина её тела, столь маленькое и неразвитое, что было трудно поверить что ей достаточно лет что бы пройти церемонию крещения.

Но как будто в противоположность своему совершенно детскому виду, она почти что взорвалась таким объемом маны, что просто уму непостижимо. Она не выказала даже намека на утомление после того как наполнила иссушенную землю, и с одного взгляда сразу же было ясно, что у неё во много, много, много раз больше манны чем у Шикзы, который обладал запасом манны более приличествующим кому то из низшей знати, хотя он сам принадлежал к средней, и которому разрешили покинуть храм только потому что страна испытывала недостаток маны.

Это и близко не было к тому объему манны которым обладает обычная ученица жрицы храма. А каков будет ее объем манны, когда она подрастет, и станет совершеннолетней?

Сам Карстедт никогда не проводил ритуал Исцеления, не брал он в руки и божественных артефактов, так что ему было трудно судить сколько манны было у этой ученицы жрицы. Но ее объем был достаточно огромен что бы Фердинанд немедленно подал прошение эрцгерцогу, в

котором просил разрешения выяснить, является ли она угрозой для страны, и Эрцгерцог ответил согласием на прошение, позволив использовать для этого инструмент для просмотра воспоминаний.

- …Ну, и как все прошло? – Спросил Карстедт, беря в руки шкатулку.

Фердинанд, очень редко демонстрировавший подобную откровенность, не скрывая гримасы, устало потер виски:

- В её мыслях нет и следа злобного умысла или обмана. Её разум занят только книгами – можно сказать, что даже с явным избытком.

Все это он произнес с явно недовольным и раздраженным выражением лица, но Карстедт уловил во всем этом нечто необычное. Впервые со смерти его отца, когда он произнес эти слова «Я устал сопротивляться давлению окружающих меня людей. Меня больше не заботит что произойдет с миром», и отказавшись от всего и вся, и с мертвецки неподвижным лицом вступил в ряды священнослужителей, Фердинанд снова был энергичен и открыто выражал свои чувства.

- По правде говоря, - продолжил Фердинанд, - Мэйн обладает воспоминаниями аристократки из высшей знати, жившей в другом мире. Несмотря на её здешний возраст, в её воспоминаниях она взрослая женщина.

- Эээ? Будь добр, повтори еще раз, что ты сейчас сказал.

http://tl.rulate.ru/book/6509/908900